

ЖИЛИЩЕ СРЕДНЕГО ЭТАПА ГЛЯДЕНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА МОКИНСКОМ I ПОСЕЛЕНИИ-МОГИЛЬНИКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1987, 1994 И 2017 гг.)

Е.Б. Сysterова

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

Научный руководитель – к.и.н. М.Л. Перескоков

Поселение-могильник Мокино I расположено в 0,3 км к югу от деревни Мокино Пермского района Пермского края и занимает мыс левого берега реки Нижняя Мулянка, левого притока р. Камы. Памятник известен с 1924 года. Он был выявлен А.В. Шмидтом и отнесен им к железному веку. Также были найдены фрагменты ананьинской и раннеломатовской керамики, кости животных и фрагменты человеческого черепа. Однако раскопки памятника не проводились. В 1950 г. памятник осматривался В.Ф. Генингом и был определен как Мокинское селище ананьинской и ломатовской культуры. В 1987 г. на памятнике были проведены значительные работы отрядом КАЭ Пермского университета под руководством В.А. Оборина, в ходе которых был открыт могильник IV-V вв. и изучено 62 погребения. Исследование могильника продолжалось в 1990-1992, 1994, 1998 гг. Были исследованы погребения ранней (III-IV в.) и поздней (V – начало VI вв.) части могильника, различные сооружения в виде рва и жертвенников [Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 65]. В 2013-2016 гг. работы на памятнике были продолжены после длительного перерыва. Исследовалась центральная часть могильника; погребения датируются третьей четвертью IV – рубежом IV-V вв., они связаны с культурно-хронологическим горизонтом Тураево-Кудаш и относятся к финальному этапу гляденовской культуры [Мингалев, Перескоков, 2014; Перескоков, 2014]. На сегодняшний день исследовано 304 погребения, а также остатки поселения ананьинской культуры.

Раскоп 2017 г. был прирезан с запада к раскопу 1987 г. и с севера к раскопу 1994 г. с целью доисследовать комплекс из рва и располагавшихся вдоль него погребений, но выявленные в раскопе объекты позволили по-новому взглянуть на их назначение. Стало очевидно, что эти сооружения (за исключением погребений) являются единым комплексом и могут быть интерпретированы как постройка, датированная временем, предшествующим могильнику.

Жилище находилось в северной части площадки памятника у края террасы. Жилище фиксируется двумя параллельными канавками вдоль длинных стен, которые были заполнены культурным слоем с прослойками глины. Одной из этих канавок, восточной, является «ров» из раскопок 1987 и 1994 г. [Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011], вторая канавка, западная, выявлена и частично исследована в раскопе 2017 г. На внутренней площади был предполагаемый очаг, который впоследствии, при сооружении погребений №232-234, использовался как жертвенник, а также столбовая яма №1/17, которую можно считать остатками опорного столба крыши жилища.

Конструкция восточной канавки подробно исследована в раскопках 1994 г. Она была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Ее общая длина вместе с длиной части из раскопок 1987 г. составляла около 24 м. Ширина канавки в центральной части достигала 1,7 м, в юго-западной оконечности она уменьшилась до 1,2 м. Иногда края канавки или ее отдельные участки присыпались коричневато-красной материковой глиной, что создавало иллюзию наличия материкового слоя. Однако после вскрытия этой глинистой присыпки были обнаружены ее более четкие очертания. Особенно часто эти присыпки материковой красноватой или даже оранжевой глины фиксировались в северной части раскопа и по западному краю канавки. Глинистые присыпки перекрывали светло-серые зольные линзы с пережженными костями, которые преимущественно встречались по краям рва. Основная часть канавки была заполнена черным насыщенным углем и рыхлым суглинком. В профиле ров с восточной стороны имел крутые, почти отвесные стенки и плоское дно. С западной стороны отмечались менее крутые стенки со своеобразными уступами, которые были заполнены светло-серым зольным слоем с пережженными костями. В юго-западной оконечности канавы характер заполнения практически не изменился, но стенки стали более пологими, а дно – более скругленным. Максимальная глубина канавки в центральной части достигала 1,20 м. В юго-западной оконечности глубина уменьшилась до 1,00 м. При расчистке канавки на уровне 60 см от поверхности выяснилось, что она состоит из отдельных канавообразных сооружений, одно из которых, наиболее углубленное, было заполнено темным рыхлым суглинком с угольками, а второе – светло-серым зольным слоем, насыщенным пережженными костями [Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011]. Описанные объекты являются остатками продольной стены жилища, сделанной из бревен, следы которой фиксируются менее глубокой, более западной, канавкой. Более восточная и более глубокая канавка имеет дренажные фун-

кции, а также является источником глины для сооружения завалинки, необходимой для теплоизоляции нижних венцов стены [Перескоков, 2011].

В раскопе 2017 года была обнаружена противоположная продольная стена жилища, имеющая аналогичную конструкцию: канавка, оставшаяся от бревна стены, дренажная канавка, остатки глиняной завалинки. Заполнение западных канавок идентично восточным. Важно отметить, что, судя по профилям дренажной канавки, ее стенки были укреплены деревянными плахами, для предотвращения осыпания грунта.

В канавках из раскопок 1994 и 1987 гг. были обнаружены крупные развалы столовой посуды, костяные наконечники стрел, кости животных. Канавки из раскопа 2017 г. также были насыщены керамическим материалом. Был найден развал крупного сосуда (d не менее 25 см).

Деталей, говоривших бы нам о конструкции поперечных стен, не зафиксировано, но можно предполагать или бревенчатую, или в виде клетки. С южной стеной постройки могут быть связаны столбовые ямки, зафиксированные на краю канавки в 1994 г., диаметром до 20 см и глубиной 15-80 см [Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011, с. 68-69].

Аналогии подобным комплексам хорошо известны в гляденовской культуре [Черных, 2008; Перескоков, 2011]. Наиболее конструктивно близкими являются постройки с Зародятского селища в бассейне р. Малый Туй, где следы жилищ были также представлены канавками, выкопанными по периметру стен, внутри были заключены очаги и 2-3 ямы [Черных, 2008, с. 230; Голдина, 1985, с. 86-91].

Керамический комплекс из раскопа 2017 года, который происходит исключительно из канавок и может считаться полностью относящимся к жилищу, составляет 34 сосуда (100%), относящихся к гляденовской культуре. Сосуды все круглодонные, по форме делились на три типа: горшки с сильно профилированной шейкой и плечиком, горшки с расширяющимся от венчика туловом и чаши. Типы делились на подтипы: а – открытые, б – закрытые сосуды. Тип Ia представлен 6 экз. (17,64%). Тип Ib – 1 (2,94%). Тип IIa – 5 (14,7%), тип IIb – 17 (49,9%). Тип IIIa – 4 (11,78%), IIIb – 1 (2,94%). На некоторых сосудах на внешней и внутренней поверхности присутствуют «расчесы» – следы заглаживания травой или гребенчатым штампом.

Всего орнаментировано 16 сосудов (47%). Орнаментальные композиции расположены в зонах: на венчике и шейке сосудов. 13 сосудов орнаментированы только по венчику (38,23% от общего числа, 81,25% от числа орнаментированных сосудов). Сосуды, имеющие орнаменты одновременно на венчике и шейке – 2 экземпляра (5,88% от общего числа, 15,38% от числа орнаментированных сосудов). Всего на одном сосуде имеется орна-

мент исключительно на шейке (2,94% от общего числа, 7,69% от числа орнаментированных сосудов).

Среди элементов в орнаментальных композициях выделяются следующие:

Гребенчатый штамп по венчику присутствует на пяти сосудах (14,7% от общего числа, 38,46% от числа орнаментированных сосудов).

Насечка (резной орнамент) по венчику присутствует на шести сосудах (17,64% от общего числа, 46,15% от числа орнаментированных сосудов).

Ямочный орнамент и различные вдавливания по венчику обнаружены на двух сосудах (5,88% от общего числа, 15,38% от числа орнаментированных сосудов).

Защип по венчику присутствует также на двух сосудах (5,88% от общего числа, 15,38% от числа орнаментированных сосудов).

Шнуровой орнамент по шейке присутствует также на двух сосудах (5,88% от общего числа, 15,38% от числа орнаментированных сосудов).

Гребенчатый орнамент по шейке присутствует на двух сосудах (2,94% от общего числа, 7,69% от числа орнаментированных сосудов).

Таким образом, выявленный комплекс объектов необходимо интерпретировать как жилище гляденовской культуры. Исходя из хронологии Мокинского могильника, наиболее ранние погребения которого датируются III в., логично определить время прекращения функционирования поселения не позже этого периода. Исследованное жилище можно отнести к среднему этапу гляденовской культуры и предварительно датировать в рамках I-III вв. н. э.

Литература

1. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1985. – 280 с.
2. Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник Пермского университета. Серия История. – Пермь, 2011. – Вып. 1 (15). – С. 65-80.
3. Мингалев В.В., Перескоков М.Л. Результаты охранных раскопок Мокинского могильника III-VI вв. в Пермском Прикамье // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14-16 мая 2014 г.). – Екатеринбург: Изд-во Горбуновой, 2014. – С. 255-261.

4. Перескоков М.Л. Древнепермское жилище в финале раннего железного века // Преподаватель XXI век. Вып.3. Ч.2, 2011. – С. 231-238.
5. Перескоков М.Л. Культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш: теоретический аспект // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том II – Казань: Отечество, 2014. – С. 378-381.
6. Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа) / Е.М. Черных. – Ижевск, 2008. – 272 с.

БУСЫ I-III В. Н. Э. В НЕКРОПОЛЕ ТАНАИСА

М.А. Тихонова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

*Научный руководитель – к.и.н., доцент кафедры археологии
и истории древнего мира Е.В. Вдовченков*

На протяжении многих тысячелетий являясь контактной зоной между представителями разных этнокультурных традиций, район Нижнего Подонья способствовал созданию неповторимой и оригинальной культуры, сформировавшей облик Северного Причерноморья второй половины I тысячелетия до н. э. – первой половины I тысячелетия н. э. Особая роль в этом процессе отведена Танаису, где в эпоху античности происходило тесное соприкосновение и взаимодействие эллинских и варварских элементов [Толочко, 2007].

Работы Нижне-Донской экспедиции, ведущиеся с 1955 г. на некрополе Танаиса, дают нам некоторые материалы для суждения о разных сторонах истории, культуры и экономики древнего города. И одним из самых массовых и весьма информативных материалов являются бусы, различающиеся по своим внешним и внутренним свойствам.

Первым вопросом при изучении какого-либо массового материала является вопрос о его классификации по разнообразным признакам для более удобной его обработки. Наиболее четко и полно принципы классификации сформулированы в публикациях 70-80-х гг. XX в. М.Д. Полубояриновой и Т. Ставьярской. В ряде работ 70-х гг. XX в. использовались принципы классификации, заложенные А.В. Арциховским и усовершенствованные В.Б. Ковалевской [Жиронкина, 2008].

Качественное развитие иерархическая схема систематизации по морфологическому основанию получила в работах Е.М. Алексеевой. Она разработала систематизированный каталог бусин, происходящих из ряда